

«ЧЕТЬИ-МИНЕИ» В МАССОВОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ

Терешкина Д.Б.

ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Россия (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41); e-mail: terdb@mail.ru

Предложен обзор источников, свидетельствующих о массовом распространении годового круга житий святых – «Четьих-Миней». Показано, что минейный принцип учитывался в издании листов русского лубка, в практике посвящения храмов и приделов, в организации народного календаря, в практике иконопочитания и имянаречения. Охарактеризована специфика визуального типа восприятия явлений в массовой народной культуре, что обусловило активность поклонения иконам, отношения к ним как к «лика́м святых», почти одушевление их, а также широкое распространение религиозного лубка – народных картинок, в которых совмещались изображение и текст. Жития святых в культуре русского лубка занимали не последнее место. В статье приведены аргументы в пользу вывода о том, что практика именования храмов и приделов также во многом опиралась на минейный принцип: храмы посвящались не только Христу, Богородице и небесным силам, но и наиболее почитаемым в народе святым, образуя годовой круг престольных праздников, сменяющих друг друга и актуализирующих жития тех или иных святых в дни их памятей. Делается вывод о многообразных формах освоения народной массовой культурой богатства содержания и образного ряда «Четьих-Миней».

Ключевые слова: «Четьи-Миней», минейный принцип, лубок, икона, храм, народный календарь.

«CHETJI-MINEI» IN MASS CULTURE

Tereshkina D.B.

Novgorod State University by Yaroslav de Wise, Velikij Novgorod, Russia (173003, Velikij Novgorod, Bolshaja Sankt-Peterburgskajast., 41), e-mail: terdb@mail.ru

Proposed a review the sources, evidence of the mass distribution of the annual range of the lives of the saints – «Chetji-Minei». It is shown that the menajon principle was taken into account in the publication of leaves of Russian lubok, in the practice of dedication of churches and chapels, in the organization of the folk calendar, in the practice of the veneration of icons and naming. Characterized the specificity of visual perception of phenomenon in mass popular culture, which led to the activity of the worship of icons, the relationship to them as "saints images", and widespread religious lubok folk images, which were combined image and text. Lives of the saints in the culture of Russian lubok occupied the last place. The article presents the arguments in favor of the conclusion that the practice of naming churches and chapels also largely relied on the menajon principle: the temples were dedicated not only to Christ, the virgin Mary and the heavenly forces, but also the most revered saints, forming the yearly cycle of the patronal feasts, actualizing the lives of the saints in the days of their memories. Proposed the conclusion about the diverse forms of symbol and content mastery of «Chetji-Minei» by popular mass culture.

Keywords: «Chetji-Minei», menajon principle, lubok, icon, temple, folk calendar.

«Четьи-Миней», свод житий святых и учительных текстов, расположенных по дням церковного года, был не только одной из самых читаемых книг в России, но и источником сюжетов и мотивов для самых разных видов народного творчества.

В устном народном творчестве жития святых бытовали в виде кратких устных пересказов, зачастую в форме преданий и легенд. Агиографическая легенда имеет, по наблюдению исследователей, устойчивый характер. «В основу легенд о каждом святом ложится не образец, не постоянно обновляющаяся сюжетная схема, а отдельные, почти неизменяемые в устном бытовании эпизоды его жизни, деяний. Сюжеты эти входят в устную традицию в основном из официальной церковной литературы (житий святых)» [6, 31]. Очень

важное отличие образов святых в устных текстах, имеющих книжную основу, состоит в том, что «все святые и герои «народной Библии» уникальны: каждый по-своему прославляет себя, несет свою идею, интересен и трогателен своими подвигами и судьбой» [6,32]. В публикуемых исследователем текстах агиографических легенд упоминаются Мария Египетская, Егорий Храбрый, Зосима и Савватий, Фрол и Лавр, Касьян, Макарий преподобный. Примечателен факт большого числа праведников (в том числе и прежде всего блаженных, юродивых), прославившихся в Новое время, жизнь которых была ориентирована на агиографические модели поведения [6, 171-214].

Русская народная культура (прежде всего – традиционная) представляет собой визуальный тип культуры. Икона святого была совершенно неотъемлемой частью народного почитания угодника, в том числе знания его прижизненных подвигов и посмертных чудес. Житийные иконы были прямой иллюстрацией такого подвига, сюжетно изложенного в клеймах, обрамляющих средник-лик святого. Но и обычные, личные иконы (в том числе – и прежде всего – в названии) содержали указание на житие святого, помогающего, согласно этому житию, в определенных нуждах (Пантелеймон-целитель, Анастасия-узорешительница и т.д.). В достаточно многочисленных текстах-записях устных легенд о святых и об иконах святых можно проследить и сам факт упоминания в фольклорных источниках тех или иных святых, и принцип их «визуального» восприятия [7, 259].

Традиция духовных стихов касается сюжетов житий уже перечисленных святых, а также (в редких случаях) – в пересказе житий св. Козьмы и Вонифатия (оба раза – из уст старообрядки 1938 г.р. [7, 268-269]), Серафима Саровского. Духовные стихи – явления словесной культуры, пограничные между христианской книжной и народной устной традициями; в них разрабатываются несколько житийных сюжетов, имеющих в своей основе, как утверждает Г. Федотов, проложные рассказы о посмертных чудесах, иконописные изображения, а также канонические и апокрифические жития. Г. Федотов прямо упоминает Четьи-Минеи, считая, что у народа при создании духовных стихов не было оснований обращаться к ним: «Сегодня [3 июля 1935 г.] кончил корректуру „Духовных стихов“. У народа тот же Христос, которого я знал в детстве. Я не выдумал Его. Он дан мне всей православной средой, в которой я жил (не матерью): иконой, лубочными картинками Страшного Суда, литургией, сыростью и холодом воронежских церквей (страшный Онуфрий). Из Евангелия доходило только то, что шло в согласии с этим церковным миром (Страшный Суд, горе всем)» [5]. Народная агиология оказалась прочно привязанной к календарю, создавала параллельные тексты, по-своему трактовавшие особенности календарного поминовения святого, при этом, не претендуя на вхождение в Святое Предание

церкви, оставаясь в сфере устного бытования и непосредственного, местного и практически ориентированного почитания.

В русской массовой церковной культуре книжная словесность не всегда занимала одно из ведущих мест. Малограмотность крестьянского населения, труднодоступность религиозных книг, общая характеристика визуального типа народной культуры предполагали замещение книжного слова более доступными формами овладения корпусом сведений о святых, их деяниях, прославлении и общем числе угодников. Такими явлениями стали иконопись, традиция посвящения храмов и приделов, обрядовая жизнь церкви (богослужения, крестные ходы, паломничества «к святым», сбор пожертвований насельниками монастыря в путешествиях по ближайшим селениям с иконой святого – основателя монастыря и др.).

Иконопочитание, развившееся в православной среде, не только до степени отождествления иконы с изображенным святым, но и до «личного» с ним общения, занимает первое место в ряду визуального восприятия религиозного искусства. С XIV в. начинают распространяться житийные иконы, в которых повествовательную часть о подвигах святого содержали клейма (на среднике чаще всего изображается лик святого). «Такие иконы существовали и в Византии, но там они не получили столь широкого распространения, как в славянских странах и особенно на Руси» [2, 193]. Житийные иконы отражали важнейшую тенденцию в иконописи – привнесение в нее времени, т.е. сближение с литературным житием, повествованием о святом в его земном бытии, приближенным к человеку. Особый тип икон, отражающий влияние письменной традиции на иконографию, – минейные иконы. Икона-mineя («месячные святцы») содержала изображения святых, почитаемых в определенном месяце. Минейные иконы могли компоноваться в годовую икону, состоящую из икон-mineй всех месяцев года [3]. Минейные иконы появились в Византии в XI–XII вв. «Их основу составили циклы миниатюр, иллюстрировавших сборники Житий святых, известные со второй половины X в. в Константинополе. <...> В XI в. становится известным новый тип иконы с изображениями Праздников и святых в соответствии с церковным календарем, характерной особенностью которого служат ряды с маленькими фигурами и целыми, обычно упрощенными композициями, чаще всего мучений» [4]. Как указывают исследователи, наиболее ранний минейный цикл на Руси известен, из сохранившихся изображений, по фрескам церкви Симеона Богоприимца в Новгородском Зверине монастыре (вторая половина XV в.). Из минейных икон, в свою очередь, «избирались» (по местному, индивидуальному, а иногда (как у воинов) – цеховому принципу) те или иные святые, наиболее почитаемые и прославляемые, воспринимаемые как непосредственные помощники, участники в судьбах молящихся. Наличие в церкви определенного состава икон, включая

житийные иконы, составляло каждый раз свои «Четы-Минеи», в кругу которого образовывалась локальная традиция почитания.

Важнейшим фактом минейного принципа распространения икон стала традиция так называемой «мерной» (или «родимой», «княжеской») иконы, создававшейся на Руси в XVII и XVIII вв. ко дню крещения ребёнка. Традиция существовала практически исключительно в царской семье. Такая икона была узкой по ширине, а по высоте соответствовала росту («мере») новорождённого и изображала тезоименитого ему святого. До нашего времени в музеях сохранилось не более 20 подобных дореволюционных икон. Элитарный характер распространения мерных икон способствовал также традиции широких празднеств на день тезоименитств монарших особ. Известны и патрональные иконы, писавшиеся к церемонии вступления на царский престол.

Кроме иконописи, еще одним важнейшим фактором формирования в широком сознании «миней» русских святых явилась традиция посвящения храмов и приделов. Это был именно «минейный» принцип, т.к. местные традиции местных праздников, крестных ходов определенные дни по-особому организовывали весь народно-церковный год, накладывавшийся на круг общерусских праздников. В любом более или менее замкнутом локусе (город, область) наблюдается тенденция сохранения, наряду с Господскими и Богородичными посвящениями, «костяка» святых, во имя которых освящаются храмы и приделы. Практика посвящения приделов была сходной с тенденцией именования основных храмов, при этом местным святым посвящались чаще приделы в больших храмах тезоименитых им византийских святых, как правило, основанных ими при жизни. Особое место занимали храмы, освященные в честь всех святых.

Широкое распространение лубка, в том числе религиозного, в XVIII – нач. XX в. сделало возможным освоение широкими массами не только изображений святых, но и текстов их житий, избранных деяний и легенд. Лубок стал со временем «иллюстрированной нравоучительной энциклопедией для народа» [1, 459]. Исследователи отмечают, что, несмотря на значительный интерес к картинкам светского содержания, наибольшую популярность получили листы на духовную тему, которые объединяются в работах по русскому лубку названием «религиозный лубок». Д.А. Ровинский отмечал, что лубки на религиозные темы висели едва не в каждой деревенской избе, и сообщал, что долгое время религиозный лубок бытовал, наряду с традиционными иконами, даже в храмах, а печатные святцы до конца XIX в. были почти в каждой церкви.

Распространение лубка в отдаленные места Российской губернии, в широкие народные массы шло аналогично дешевым книжным изданиям (прежде всего душеспасительным), и даже, пожалуй, более активно, учитывая характеристики лубочного

ремесла как производящего прежде всего визуальные объекты. Наибольшее распространение лубок получил в деревенской, в основном крестьянской среде, каковой на тот момент была почти вся Россия. В городе лубок распространялся в основном среди купечества, мещанства и бедных слоев, чаще всего составлявших обслугу. Листы религиозного лубка изображали Николая Чудотворца, Симеона Столпника, Иова Многострадального, Алексея Человека Божия, Екатерины, Марии Египетской; русских подвижников Александра Невского, Сергия Радонежского, Нила Столобенского. Часто это были не только изображения ликов святых (позже – их вполне реалистичных «портретов»), но и сцены из их жизни, чудеса, ими совершенные. Происходило расширение сюжетов религиозного лубка. Словно пополнялась «лубочная миная» за счет новых подвижников: Митрофана Воронежского, преподобного Лукиана, святого Арсения Тверского, Серафима Саровского (преставился в 1833 г.). Выпуск новых листов часто приурочивался к какому-то событию, связанному с тем или иным святым (например, обретение мощей Феодосия Тотемского в 1796 г.). Серафим Саровский был канонизирован только в 1903 г., однако он был настолько почитаем в народе, что духовная цензура не препятствовала выпуску духовных листов с его изображениями.

Особое место занимали листы, на выставках русского лубка обычно именуемые «целебниками». Они представляют собой список святых с указанием дат их поминания, которым нужно молиться в том или ином случае. Часто эти изображения дополнялись текстами молитв.

Культура лубка была поистине всеобъемлющей, иллюстрируя одну из ярких форм так называемого «народного христианства», совпадавшего, за исключением некоторых расхождений в толковании догм официальной религии, с общей православной традицией почитания святых, прославленных русской церковью.

Многообразные формы освоения народной массовой культурой богатства содержания и образного ряда «Четых-Миней» свидетельствует о широком распространении минейной традиции, ее масштабном и многомерном влиянии на русскую ментальность, причем не только собственно религиозную.

Список литературы

1. Воронина Т.А. Религиозный лубок в XIX – начале XX вв. Его просветительская и назидательная функции. Тема. Сюжет. Образ / Народное искусство. Русская традиционная культура и православие. XVIII–XXI вв. Традиции и современность / автор-составитель, научный ред. М.А. Некрасова. М.: Союз Дизайн, 2013. С. 459–483.

2. Лазарев В.Н. Новгородская иконопись // Очерки истории русской иконы. От Крещения Руси до наших дней / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 592 с.
3. Никифоренко Е.М. Календарная икона // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. I (Гуманитарные науки). С. 250–254.
4. Пуцко В. Северорусская икона-менологий // София. 2005. № 1. [Электронный ресурс] URL: http://ricolor.org/history/ka/ort_art/iconopis/language/sever.
5. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н.И. Толстого; послесл. С.Е. Никитиной; подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Прогресс, Гнозис, 1991 (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). 192 с.) [Эл.ресурс] URL: <http://philologos.narod.ru/fedotov/life.htm#sv>
6. Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004.
7. Шеваренкова Ю.М., Фалькова И.А. Легенды / Фольклор Сосновского района Нижегородской области // Фольклорное наследие Нижегородского края. Т. 1. Нижний Новгород, 2013. С. 257–284.

Рецензенты:

Кошелев А.В., д.ф.н., профессор, проф. кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород;
Каминская Т.Л., д.ф.н., профессор, проф. кафедры кадровой политики и управления персоналом Российской академии народного хозяйства государственной службы, г. Великий Новгород.